

III

С. В. ПОЛЯКОВА

ИЗ ИСТОРИИ ГРЕЧЕСКОГО РОМАНА В ВИЗАНТИИ
 («Эфиопика» Гелиодора в толковании Филиппа Философа
 и Иоанна Евгеника)

Судьба греческого романа на среднегреческой почве не была так благополучна, как представляется на основании свидетельств несомненного интереса к этому жанру в поздние периоды существования Византии. Резко чуждый византийскому средневековью, он в продолжение длительного времени не привлекал к себе внимания или вызывал лишь отрицательную реакцию и должен был пройти различные формы адаптации, чтобы завоевать себе место и превратиться в образец для подражания, обогативший византийскую литературу. Однако реабилитация греческого романа никогда не достигала безоговорочного успеха, и одержанная им победа не была окончательной. Ведь даже романы Гелиодора и Ахилла Татия, которые одни из сравнительно большого числа греческих романов удержались в византийском круге чтения вследствие благочестивой легенды, объявившей их авторов христианскими епископами, и попыток связать с христианской традицией самый материал их повествований¹, продолжали вызывать к себе настороженное и даже враждебное отношение. Это подтверждают не только данные приводимых ниже сочинений Филиппа Философа (время жизни не установлено)² и Иоанна Евгеника (XV в.) — примечательно при этом, что последний говорит о нападках на греческий роман спустя более двухсот лет после возникновения византийских подражаний греческому роману, — но и заведомо недостоверное, а потому тем более показательное для оценки *erotici scriptores* сообще-

¹ Подробному обоснованию этого посвящена интересная статья: *H. Dörrie. Die griechischen Romane und das Christentum.* — «*Philologus*», 93, 1938, где автор рассматривает легендарные биографии обоих романистов, способствовавшие легитимации их романов, и отмечает, что имена героев Ахилла Татия в целях упрочения репутации его романа были введены в житие Галактиона и Епистимы. В дополнение к приведенному автором материалу можно указать, что это житие обнаруживает также реминисценции из «Эфиопики» Гелиодора — мать Галактиона является дочерью Мемнона, т. е. носит имя одного из предков героини романа Гелиодора Хариклии. Может быть, в связи с христианизацией биографии Ахилла Татия и попытками сблизить его роман с христианской литературой следует рассматривать и тот факт, что в завещании Евстафия Воилы (1059 г.) среди книг, описанных им церкви, значится и ἡ Δευχίτι, т. е. роман Ахилла Татия «Левкиппа и Клитофонт» (текст опубликован: *В. Бенешевич. Завещание византийского боярина XI в.* — ЖМНП, 1907, май, стр. 227.15).

² Время возникновения «Толкования», а вместе с ним идентификация личности автора до сих пор остаются дискуссионными. Первый издатель «Толкования» (*Ph. D'Orville. Miscellanea in auctores veteres, v. VII. Amsterdami, 1736, p. 376 sq.*) на основании сходства имен приписал авторство неоплатонику Филиппу (IV в.), переводчику «Иероглифики» Гораполлона. А. Олдфавер («*Philologus*», LXVII, 1908, S. 457 f.) предполагал, что автор — неоплатоник V в. Эту точку зрения в настоящее время разделяет О. Вайнрайх (*O. Weinreich. Der griechische Liebesroman. Zürich. 1962, S. 57 f.*). А. Кальдерини (*A. Calderini. Il Romanzo di Caritona. Milano, 1911, p. 11*) относит памятник к XII в. Согласно гипотезе А. Колонна, под Филиппом Философом скрывается епископ Россано Феофан Керамевс (1130—1154), подписывавший свои сочинения также Φιλίππου φιλοσόφου или Φιλίππου φιλοσόφου τοῦ Κεραμίτου (*A. Colonna. Heliodori Aetiopica. Rome, 1938, p. 366*). Подробнее см.: *Teofane Cerameo e Filippo Filosofo.* — «*Bollet. del Comitato per la preparaz. della Ediz. Naz. d. Classici Greci et latini*», NS, 8, 1960, p. 25 sq.).

ние Никифора Каллиста о том, что поместный собор города Трикка признал книгу Гелиодора вредной для юношества³.

Однако противодействие уцелевшим греческим романам вызвало к жизни появление оправдывающих его в глазах христианских читателей нравственных и аллегорических объяснений, представленных сочинениями Филиппа Философа и Иоанна Евгеника⁴. Их толкования «Эфиопики» — не защитная конструкция (авторы рассматриваемых сочинений, конечно, не кривили душой), но рефлекс подхода, объективно способствовавший узаконению греческого романа.

Поскольку весь окружающий мир в понимании средневекового человека — носитель символов трансцендентного мира, в языческой литературе как в одной из его сторон усматривали ключ к более высокому, но скрытому смыслу, который мог быть обнаружен с помощью аллегорического истолкования⁵.

Под толщей верхнего фабульного слоя оба автора различают благочестивый смысл, зашифрованный аллегориями, числовой мистикой, этимологиями имен и другими видами тайнописи (многое здесь — результат влияния синкретических представлений неоплатонизма и неопифагореизма).

Так, по мнению Филиппа, «Эфиопика» Гелиодора «посвящает в высшие таинства» и является «наставницей в нравственной философии», изображая позитивные и негативные свойства людей, чтобы наглядно показать преимущество добродетели. Положительные герои поэтому — эталон, которому надлежит подражать, воплощения четырех кардинальных добродетелей; отрицательные — доказательство того, к чему приводит порок. Но нравственное объяснение для Филиппа — только подготовительная ступень. Оно, пользуясь его словами, лишь обнаружило за богатым одеянием Хариклии (так византийцы обычно называли роман по имени его героини) священный хитон, но не показало совершенной красоты. Этой задаче посвящено мистическое толкование книги.

Используя ономастические выкладки и числовую мистику, автор утверждает, что Хариклия — символ души и украшающего ее разума, Арсака — символ плотского наслаждения, Трахин — необузданного бушевания страстей, Ахемен — злого умысла.

Сюжет романа предстает, таким образом, в виде повествования о рождении души из мрака небытия, о ее нравственном формировании, стремлении к богопознанию, странствиях и плотских искушениях, в которых душу оберегает от поругания сила камня пантарба, символизирующего страх божий, и о торжестве возвращения на родину. «Толкование» не сохранилось полностью, но общее его направление не вызывает сомнений.

«Введение» к «Эфиопике» Иоанна Евгеника тоже дошло до нас в извлечении: рукопись неожиданно обрывается на ямбическом дистихе, прославляющем целомудрие, и едва ли принадлежащем автору прозаического текста. Возможно, что Иоанн не был вполне самостоятелен и пользовался «Толкованием» Филиппа; в пользу этого говорит наличие во «Введении» несколько неожиданной и встречавшейся в «Толковании» мысли о наглядном изображении в «Эфиопике» четырех кардинальных добродетелей.

В отличие от Филиппа, Иоанн Евгеник останавливается на филологических вопросах, касается языка, стиля и других особенностей повествования. Но и его преимущественно интересует второй план «Эфиопики»; автор обнаруживает его, но в сохранившемся отрывке только намечает; более подробная аргументация, очевидно, входила в ныне утраченную часть сочинения.

Толкование переведено нами по изданию А. Колонна (*Heliodori Aetiopica*, rec. A. Colonna. Rome, 1938), «Введение» — по публикации А. Бандини (*Catalogus codicum Graecorum Bibliothecae Laurentianae*, ed. Aug. Bandini. Florentiae, 1770, III, col. 322).

³ *Nic. Callistus. Historia eccles.*, XII, 34. — PG, t. CXLVI, col. 860. В отличие от ортодоксально мыслящих церковных кругов и от обывательской среды, где вкусы отличаются ригоризмом и традиционностью, такие теологи, как Максим Исповедник, если многочисленные цитаты из Гелиодора и Ахилла Татия не попали к нему через посредство «Мелисса», использовали роман в дидактических целях, не смущаясь подчас легкомысленными контекстами, откуда заимствовалась та или иная цитата. Пример подобного рода — рассуждение о страхе и надежде, заимствованное им из *Ach. Tat.*, II, 23, 1, где речь идет о переживаниях любовника, крадущегося ночью в спальню девушки (*Max. Confessor. Loc. Comm.* — PG, t. 91, col. 909).

⁴ Не только греческий, т. е. любовный, роман понимали в Византии подобным образом: Алексей Макремволит (середина XIV в.) обнаружил христианские иносказания в романе Псевдо-Лукиана «Лукий, или осел» (текст опубликован А. Попадопуло-Керамевсом в *ЖМНП*, ч. 321, 1899, январь, стр. 19—23). Этому памятнику, никогда не привлекавшемуся исследователями, мы предполагаем посвятить отдельную статью.

⁵ Эта особенность средневекового мышления наиболее полно раскрыта на западном материале: *J. Huizinga. Herbst des Mittelalters*, Stuttgart, 1961; применительно к Византии см.: *G. Mathew. Byzantine Aesthetics*. New York, 1963, p. 46 sq.

ТОЛКОВАНИЕ ЦЕЛОМУДРЕННОЙ ХАРИКЛИИ ИЗ УСТ ФИЛИППА ФИЛОСОФА

Однажды, когда я выходил из Регийских ворот, ведущих к морю, и дошел уже до источника Афродиты¹, до меня донесся чей-то голос, громко окликавший меня и звавший по имени. Я обернулся, чтобы посмотреть, откуда это кричат, и увидел императорского писца Николая, спешащего к морю вместе со своим сородичем Андреем. К обоим я весьма сердечно относился и решил поэтому свернуть со своей дороги и пойти им навстречу. Мы скоро сошлись, и Николай с улыбкой сказал:

«Удивительный человек², так равнодушно ты позволяешь необузданным языкам ополчаться на мудрые учения. Ведь в преддверии храма³ собралось множество любителей словесности; они читают книгу о Хариклии и большинство, издеваясь, оскорбляет и высмеивает эту повесть. Я же, как почитатель Хариклии, негодуя, клянусь твоей мудростью, и молю тебя не допустить оскорбления целомудренной девушки: выставь ей защитником свою мудрость, твои помыслы, разум приветливый твой⁴ и покажи этим болтливым невеждам, что рассказ о Хариклии выше всякого упрека».

«Ты, кажется, подбиваешь меня, дражайший, на неслыханное дело, — ответил я, — зимой искать весенние цветы, а в седой старости юношеские забавы. Ведь, распрощавшись с этим, как с молоком младенчества, я вступил в возраст философа, а затем стал обитать в хранилище божественных учений. Теперь меня влечет к тому, чтобы держать себя соответственно моей философии и наименованию философа. Любовные повествования и рассказы подходят юношеским летам. Ведь даже сама божественная любовь неведома старческим и младенческим душам, а лишь юным и находящимся в расцвете, если следовать словам исполненной тайн песни, гласящей: «за это отроковицы возлюбили тебя»⁵, так как единственно этот возраст способен воспринимать любовные стрелы. Вы же хотите увлечь чуждого любви старца к любовным разговорам. Однако, по словам мудреца, старцам знакомы забавы, но эти забавы почтенны⁶. Поэтому пусть и я почтено позабавлюсь вымыслом и, на краткое время простившись с философскими раздумьями, обращусь к любовной палинодии. Ведь и мудрый Сократ, хотя был вообще мыслителем, сидя с красавцем Федром⁷ в тени деревьев, чаровал юношу рассказами о любви⁷. Пойдем же ради вас и самой истины».

Придя, мы застали друзей, в ожидании нас столпившихся перед святыми вратами храма. Сотворив Деве Владычице⁸ положенные молитвы, а затем обратившись к собравшимся, мы опустились на низкую скамью у самого порога святых врат, — я начал так: «Книга эта, друзья, подобна питью Кирки — непосвященных она превращает по непотребству в свиней, рассуждающих мудро по примеру Одиссея посвящает в высшие таинства. Ведь книга эта назидательна, она наставница в нравственной философии, так как к воде повествования примешала вино умозрения».

Поскольку человеческая природа разделяется на мужскую и женскую, а им обоим в равной мере присущи добродетель и порок, книга сопоставляет оба пола, засвидетельствовав добрые и злые качества каждого. Она показывает достойных мужей — Каласирида, Феагена, Гидаспа и достойных женщин — Персинну и Хариклию. Дурных выведено больше женщин, меньше — мужчин: ведь среди женщин пороки встречаются чаще.

Почтению к святыне, тому, как должно уклоняться от злоумышлений врагов, не преступая закона, отводить от себя несправедливое насилие, обороняться от зачинщиков зла и как к лекарству прибегать к обману, когда мы хотим принести пользу

¹ Упоминание Регийских ворот свидетельствует о том, что действие происходит в Константинополе. См. *R. Janin. Constantinople byzantine. Paris, 1964, p. 272.* Однако не все встречающиеся в тексте реалии удалось идентифицировать. К ним принадлежат источник Афродиты, храм, в преддверии которого происходит беседа, и некоторые другие.

² Как показал А. Бринкман (*A. Brinkmann, in: «Rhein. Mus.», NF, LI, 1896, S. 442 f.*), начало сочинения до слов «удивительный человек» текстуально совпадает с диалогом Псевдо-Платона «Аксиох», который в византийское время пользовался популярностью и оставил следы в произведениях ряда писателей, между прочим, у Феодора Продрома, Никифора Василага и Никифора Григоры. Кроме введения, о знакомстве с «Аксиохом» свидетельствуют отдельные заимствования в других местах «Толкования». Чтение «Политии» Платона тоже оставило свой отпечаток (*A. Oldfather. Op. cit.*).

³ Вайнрайх (*O. Weinreich. Op. cit.*) локализует действие в пропилеях храма Афродиты.

⁴ *Od., XI, 202—203.*

⁵ *Cant. Cant., I, 2.*

⁶ Стих неизвестного автора.

⁷ Ссылка на начало диалога Платона «Федр».

⁸ Под девой-владычицей могут подразумеваться различные божества: Артемиды, Афина и богородица — в зависимости от датировки сочинения и идентификации храма, в преддверии которого собрался спорящие.

друзьям или самим себе, безущербно для ближнего и не подтверждая лжи неправой клятвой, но мудро распоряжаться своими словами, быть осмотрительным и приятным в речах, а также всяческой рассудительности научает тебя Каласирид, приятный в беседе, мудрый в советах, что предпринять, изобретательный при необоримых и жестоких поворотах судьбы. Он обучает тебя целомудрию, бежав от Родопиды, Кнемон — от беззаконной страсти Деменеты, больше же всех Феаген и Хариклия. Ведь юноша был целомудрен даже в общении со своей возлюбленной и, несмотря на заискивания и на удары бича, не уступил Арсаке, безумствовавшей от страсти. Целомудрие же Хариклии было до того строго, что даже во сне и в ночных грезах она отвергала близость с любимым⁹. Пусть послужат нам подлинным образцом справедливости они, считающие богатство, добытое на войне, нечистым¹⁰, а не менее их Гидасп, благодаря отваге и счастью одолевающий врагов, благодаря справедливости охраняющий своих подданных. Образец отваги — сама влюбленная чета: не укоряя друг друга, он и она подпали под власть судьбы, но духом не пали и не проявили ничего, свободно-рожденным не подобающего. Так эта книга представляет собой как бы наглядное изображение четырех главных добродетелей¹¹. Но она описывает и людей, ведущих заслуживающую укоризны жизнь, а также, естественно, выводит порок и показывает, к какому он приводит концу. Ведь повесть (кажется, буквы ее только что не говорят) вопиет о том, что если кто презирает справедливость и добывает не подобающего ему богатства или девушки, его ждут несчастья Трахина, Пелора и волопасов. А если строит козни против ближнего, пусть взглянет на Фисбу, на меч Фиамида, вонзенный ей в грудь, и на Кибелу, приготовившую себе же самой яд, — исполняются слова Гесиода: Зло на себя замышляет, кто зло на другого замыслил¹².

А когда какая-нибудь женщина, осквернив супружеское ложе, захочет это скрыть, пусть вспомнит страсть Арсаки, приведшую ее к позорной смерти в петле; замышляющий зло своим господам — равным образом не избежит, как Ахемен, эфиопской стрелы¹³. Не будь неблагодарным, как Ороондат, чтобы не понести постыдного поражения. Но и терпя притеснения, продолжай любить и стойко переноси непостоянство судьбы, страдай вместе с Феагеном и Хариклией, чтобы дожидаться счастливого окончания бедствий.

Так рассуждение, облагораживая душу, ввело меня во врата повествования и, приподняв богатое одеяние девушки, которым она облеклась из-за злоумышлений недругов, обнаружилось скрытый под ним священный хитон¹⁴. Но пора уже совлечь его и показать совершенную красоту.

Хариклия — символ души и украшающего ее разума. Ведь слава и прелесть — это и есть разум, сопряженный с душой. Но не только по этой причине сочтались в имени эти слова¹⁵, но потому, что душа сочетается с телом и составляет единую с ним сущность. Яснее ты увидишь это, сложив буквы имени, составляющие число 777¹⁶. Поскольку семь, согласно толкованию италийцев¹⁷, мистическое, девственное и священное число, с достаточным основанием имя сохраняет семерку в единицах, десятках и сотнях, обозначая при помощи семи сотен святую и совершенство, при помощи семи десятков украшая тресущность самой души четырьмя главными добродетелями. Ведь четыре десятка, сложенные с тремя, составляют семьдесят. Простая семерка обозначает тело, с которым сопряжен разум, обладающий при посредстве души пятью родами чувственного восприятия, материей и прообразом, из каковых он возник.

Хариклия рождена от эфиопов. Она выходит из мрака, как человек из темноты на свет, и полагает в эту жизнь, т. е. в Элладу. Ее воспитывает Харикл — воплощение деятельной жизни, наставляя поражать стрелой страсти, служить отваге и целомудрию, т. е. Артемиде. Артемиде ведь стреловержица и девственница. Пусть тебя не смущает, что имена у них общие: деятельная добродетель тоже присуща душе и дарует ей прелесть и славу.

Но когда Хариклия, покинув запряженную быками повозку, на которой прибыла, с зажженным светочем вступила в храм и увидела Феагена, она забывает обо всем и тайно принимает в свою душу любимого. Подумай, о чем говорит тебе эта загадка.

⁹ Hel., VI, 8.

¹⁰ Hel., V, 5.

¹¹ Четыре кардинальные добродетели — храбрость, мудрость, скромность и справедливость.

¹² Hes., Op. et dies, 265 (перевод В. Вересаева).

¹³ Hel., IX, 20.

¹⁴ Под богатым одеянием девушки автор имеет в виду первый смысл романа (риторически украшенное повествование о Феагене и Хариклии), а под священным хитоном — его второй, главный смысл, скрытый «из-за злоумышлений недругов», т. е. людей, не причастных к высшей мудрости.

¹⁵ Имя *Χαρίκλεια* составлено из слов *χάρις* «прелесть» и *κλέος* «слава».

¹⁶ Поскольку буквы греческого алфавита служили для обозначения цифр, сумма их в имени Хариклия равна 777: 600+1+100+10+20+30+5+10+1.

¹⁷ Италийцы — пифагорейцы.

Когда душа поднимается над своей материальной двойственностью, нам извне уделяется разум богопознания, подвигающий душу к созерцанию всего, что ему родственно, и душа ликует, видя это, а он берет светильник желания и вселяет в душу любовь к высшему познанию. Исполненная этой любовью, ослепленная целомудренным опьянением и став, как говорят, одержимой любовью, душа отвергает привычное, пренебрегает телом и склоняет ум единственно к желанному. Так, притягиваемая желанным, она спешит обрести изначальное благородство и, доколе надменная и презирающая любовь, сама устремляется к Феагену; Артемида же не мешает похищению, но, видя, что ее служительница получила любовную рану, мирится с ним, а старец Каласирид, помогая ей словом и делом, ведет Хариклию к жениху. Этот человек, влекущий к благу и подвигающий душу к тайнам богопознания, станет ей наставником. Ведь он будет мудрым советчиком в том, что следует совершать, безопасно переправляя душу через пучину и житейские волны. Если станет злоумышлять Трахин, необузданное буйствование страстей¹⁸, прозорливость Каласирида воспретит ему. Но слутником Хариклии в ее странствии он останется лишь до тех пор, пока она не минует Египта неведения. Когда же Хариклия счастливо избежит моря и обманет злоумышления разбойников, наставник ее покинет — в одиночестве душа наслаждается общением с желанным. Плотское же наслаждение, т. е. Арсака, будет строить против нее козни при пособничестве сводницы, чувственности, воплощенной в Кибеле, бременеющей стрелами для натиска, поражающей ими разум и увлекающей за собой созерцательные его способности, чтобы совратить мысль. Здесь-то путь закаляется мужественная решимость и путь ввергнута будет в пещь искушений.

Камень пантарб уберезит Хариклию от поругания. Ведь пантарб — всестрах или всеужас — намекает на страх божий¹⁹: бог это и есть всё.

Если сводница нальет отравленный кубок обмана, тем вернее погибнет, и злодеи погубят сами себя. Кибела умрет, приготовив ядовитое зелье, а коварный замысел Арсаки расстроится, и она окончит жизнь в петле. Ахемена же, иными словами, злой умысел, сведет с ума печаль. Он покинет дом, а душа под надзором стражников отправится на свою родину и будет испытана на огне жертвенника, ведь огнем испытывается дело каждого, каково оно есть²⁰.

ВВЕДЕНИЕ ИОАННА ЕВГЕНИКА К «ЭФИОПИКЕ»

Эта книга, удивительно изящно повествующая о Феагене и Хариклии, разделена на десять, то есть на совершенное число частей²¹, украшена множеством иных разнообразных достоинств и сверкает, подобно золотому, усыпанному благородными камнями, драгоценному венцу. Ведь она исполнена блеска находок и новизны мыслей, так что обилием суждений значительно превосходит сочинения, преследующие ту или иную пользу. Выдается она также достоинством речей действующих лиц, сочетанием образов, ритмом и отличается безукоризненным языком. Бесспорно, автор мудро внес в нее множество метких и полезных в жизни изречений, необходимых примеров, описаний главнейших стран и способов ведения войны. Кроме того, книга не лишена поэтических слов, иногда созвучных колонов и гомеостелевтов и всевозможных украшающих речь фигур. Все это употреблено к стати и к месту, поразительно умело, так что в увлечении она не жертвует и не пренебрегает торжественностью и строгостью слога, а его сладости и ясности излишне не отяжеляет, и они не выражены больше, чем следует. Напротив, изложение как по царской тропе идет между этими крайностями и всегда оказывается ровным и единообразным. Главное же, тем, кто не отличается наивностью, кто видит не только находящееся на поверхности и не следит страстно лишь за одним развитием повествования, но доходит до глубины смысла, до цели и назначения сочинения, книга показывает, что, несмотря на кажущуюся недостойность и ничтожность того, о чем рассказывается, несмотря на неблагородный и лишенный видимой пользы предмет, в ней заключен, цветет, отображается и присутствует священный хор главных добродетелей, их чудесный строй, связь и согласованность, проистекающая отсюда таинственная сладость и благоволие, точно от какого-нибудь прекрасного венка Харит, или, лучше сказать, изобилующего цветами и деревьями сада; присутствует и огромное звездное небо и великие стихи, составляющие и дивно украшающие разумную часть души, то есть неколебимость и величие мужества, прямодушие справедливости, а также святость и божественность скромности и совершен-

¹⁸ Имя *Τραχίνος* возведено к прилагательному *τραχός* — «необузданный», «бурный».

¹⁹ В слове *πανταρβη* Филипп усматривает сочетание прилагательного *πᾶς* («весь») и существительного *ταρβος* («страх»).

²⁰ *Paul., Ad Cor., I, 3, 13.*

²¹ Согласно христианской мистике чисел, десять — число совершенства (*F. Dölger. Die Sonne der Gerechtigkeit und das Schwarze. — Liturgiegeschichtliche Forschungen*, Н. 2. Münster i. W., 1919, S. 91, Anm. 2; *G. W. H. Lampe. A Patristic Lexicon. Oxford, 1961—1962, s. v. δέκα*).

ство разума. Если же некоторым — а такие люди несомненно найдутся — это сочинение все же покажется бесполезным для тех, кто незрел годами, а скорее разумом, можно было бы с полной справедливостью сказать им, чтобы они отказались от своего суждения на том основании, что в Священное писание входит Песнь мудрого Соломона, таинственным языком описывающая божественного жениха и духовную невесту, запечатлевая слова, движения и мысли любящего святой и духовной любовью и не ведающей страсти возлюбленной. Так что да отступит хулящий и злорадный язык, без смысла ополчающийся на книгу и ее мудрого создателя. Пусть знает всякий любитель чтения, а также сочинений серьезных и богатых мыслью, что для всех думающих книга эта — источник пользы, наставница целомудрия и великодушия, зеркало законного и почетного брака, суровая обличительница всевозможной разнузданности и греховного наслаждения, как можно отчетливо понять из самого ее содержания.